

А. Л. Сергеев*

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Аннотация. Статья посвящена малоисследованной проблематике соотношения социально-политического и социокультурного феномена российской государственности с текущим конституционно-правовым отраслевым регулированием жизнедеятельности государственно-организованного общества. В работе анализируется структура государственности и ее элементы, а также основные направления, посредством которых отрасль конституционного права способна влиять на развитие отечественной государственности. Автор подчеркивает исключительную необходимость углубленного исследования данного комплекса проблем. Решение указанной задачи позволит находить оптимальные конституционно-правовые средства и способы, имеющие возможность помочь адекватному укреплению российской государственности, а также ориентиры и цели, способные вывести конституционно-правовую науку и практику на качественно новую ступень развития.

В статье производится междисциплинарный комплексный анализ элементов структуры современной российской государственности: организации и особенностей функционирования государственно-властной системы; политического режима государства; характера и степени взаимоотношений и взаимопроникновения государственной власти и структур гражданского общества; особенностей суверенитета и территориальной структуры государства; цивилизационной идентификации и самоидентификации государственно-организованного общества; системы общественных «институциональных матриц»; экономической и климатогеографической основы жизнедеятельности; структуры восприятия государственно-организованным обществом народа, государства и государственной власти как целостных социальных феноменов; системы социально-политических обычаев и традиций; идейно-смысловой матрицы общества и особенностей его информационного пространства.

Ключевые слова: российская государственность, конституционно-правовое регулирование, политический режим, система институциональных матриц, суверенитет, территориальная структура государства, форма правления.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.112.3.135-146

Одной из основных задач конституционного права как правовой отрасли является регулирование политических отношений, вследствие чего понятия «государство» и «государственность» являются для нее во многом ключевыми. Целью настоящей работы является выяснение пределов и границ воздействия конституционного права на социально-политический и соци-

ально-культурный феномен государственности, а также его основополагающие задачи в указанной области функционирования.

Государственность — понятие широкое и многоаспектное. Как уже подчеркивалось выше, понятия государства и государственности имеют основополагающее значение для всего цикла политико-правовых дисциплин.

© Сергеев А. Л., 2016

* Сергеев Александр Леонидович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

alsergeev1980@mail.ru

123995, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская, д. 9

Первое из них можно считать вполне сформировавшимся. Речь идет о политико-территориальной организации публичной власти, обладающей суверенитетом, осуществляющей сбор налогов и способной создавать правовые нормы. Некоторые авторы относят к признакам государства наличие вооруженных сил, денежной единицы, государственного языка и др.

С понятием и пониманием государственности в современной науке дела обстоят сложнее. Несмотря на то что многие российские политики, эксперты и журналисты неоднократно заявляли о необходимости «укрепления российской государственности» как об одной из своих собственных программных базовых формул и об исключительной актуальности указанной проблематики как таковой в принципе, объем и содержание термина «государственность» до сих пор остается расплывчатым и неопределенным.

Сегодня Россия как государственное и общественное образование столкнулась с масштабной системой смертельно опасных угроз. Чтобы достойно справиться с трудностями, неизбежно встают вопросы: что именно и как именно в нем нужно укреплять, чтобы с ними в обозримом будущем суметь достойно справиться?

Начинать рассмотрение вышеуказанной многоаспектной тематики целесообразнее всего с формулирования собственного определения понятия, которому посвящена настоящая статья. На наш взгляд, *государственность — это система основополагающих начал, идентифицирующих государственно-организованное общество и обуславливающих его воспроизводство.*

Проблематика классификации различных видов государственности не является простой. Можно с определенной уверенностью говорить о российской, французской или немецкой государственности, подразумевая под этими словами прежде всего историческую преемственность, связь времен и периодов в единое целое, то, что в течение смены многих эпох определяло жизнь и жизнедеятельность каждого конкретного народа. Данный вопрос является исключительно тонким, ибо определенный тип государственности при таком измерении заканчивается тогда, когда доля преемственности в матричных основах жизнедеятельности страны становится исключительно малой либо исчезает совсем. Можно ли, к примеру, современную Италию называть преемницей Римской империи, прибавляя к исторической итальянской государственно-

сти древнеримский период? Думается, что такой подход к делу едва ли будет корректным. В то же время Османский период как многовековой отрезок современной турецкой государственности рассматривать возможно, ибо уровень преемственности и структура идейно-смысловых основ османского и современного турецкого государств несоизмеримо больше, нежели в первом рассматриваемом случае.

В рамках одной большой многовековой государственности в зависимости от исторической эпохи целесообразно выделять систему ее видов и подвидов. Дореволюционная, советская и постсоветская государственности, к примеру, имеют очевидные отличия, в то же время составляя единую цельность — государственность общероссийскую.

Для идентификации различных типов и разновидностей государственности необходима целая совокупность структурных элементов, представляющих в сумме свою систему маркеров, позволяющих определить, где заканчивается одна государственность и начинается другая. Попытаемся их выделить и сформулировать, делая преимущественный акцент на российскую специфику. Такой подход будет в большей степени отвечать нашей проблематике и сделает наши теоретические положения более наглядными.

Прежде чем, однако, мы начнем это осуществлять, необходимо сделать еще одну оговорку. Каждый структурообразующий элемент государственности, так же как и государственность в целом, имеет свои глубинные матричные коды. Важнейшей задачей целого комплекса юридических и социально-политических наук является их тщательное исследование, изучение и конечная формализация. Однако в рамках одной статьи сделать это едва ли возможно. Исходя из этого, нашей непосредственной задачей на данный момент является обрисовка контуров вышеуказанной проблематики, знание по которой должно неуклонно наращиваться в дальнейшем.

Итак, перейдем к последовательному перечислению структурообразующих элементов государственности и их раскрытию.

1. ОРГАНИЗАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ВЛАСТНОЙ СИСТЕМЫ

В ней наиболее четко можно увидеть вековую преемственность, матричные коды госу-

дарственности в целом, переходящие от одной эпохи к другой. К примеру, между дореволюционной и советской государственностью, несмотря на внешние различия, видится исключительно много общего: идеократический характер государства (там смыслообразующей идеологией выступало православие, здесь коммунизм), значительная централизация власти, исключительная значимость личностного фактора в процессе управления страной (полномочия глав государств были чрезвычайно широки), министерская система, основанная на единоначалии, национально-территориальные автономии, чей вес часто определялся силой и встроенностью местной элиты в общегосударственный процесс, положение русского народа в качестве общество- и государствообразующего и многое другое.

Слабое изучение ментальных основ российской государственно-властной системы при попытке интегрировать постсоветскую государственность в лоно европейской цивилизации в последние десятилетия часто приводило к серьезным ошибкам в государственном строительстве. К примеру, административная реформа начала 2000-х годов, проводившаяся по образцу американской государственно-властной системы, без учета российских почвенных особенностей, привела к масштабному увеличению бюрократического аппарата, ослаблению способности системы исполнительной власти к быстрой и точной управляемости и координации ее различных звеньев при решении сложных и комплексных вопросов. «Конкуренция ведомств» в деле управления стала болевой точкой в работе сегодняшнего российского государственного аппарата. Все это, увы, происходило на фоне многочисленных слов российских чиновников самых разных уровней о необходимости «скорейшего и максимально-го укрепления российской государственности». Подобный пример не является единственным. Сложившееся в этом плане положение дел скорее стало правилом при осуществлении государством в отношении себя программной и законотворческой деятельности, итоги которой часто оказываются безрадостными. Данное состояние текущей реальности актуализирует нашу проблематику еще больше.

2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ ГОСУДАРСТВА

В соответствии с общепринятым научным определением политический режим является

совокупностью приемов, способов и средств осуществления государственной власти. Иными словами, проблематика политического режима отвечает на вопросы о комплексе взаимоотношений между человеком и государством, а также государством и обществом и его различными элементами и структурными звеньями.

Приходится констатировать, что в постсоветских научных реалиях в России не сложилось цельной, отвечающей сегодняшнему дню доктрины политического режима. До сих пор из учебника в учебник кочует деление политических режимов на демократические, авторитарные и тоталитарные, иногда подобная классификация дополняется взятыми из древности режимами тирании и деспотии. Подобный подход не отвечает современности и работает в основном в пропагандистских целях, оправдывая и защищая евроцентристские положения о западной цивилизации как «магистральном пути человечества». Попытаемся заполнить вышеуказанный пробел, сформулировав собственную классификацию политических режимов сегодняшнего дня.

В странах Западной Европы и Северной Америки распространен режим *западной демократии*. Его характерными признаками являются: выборность многих государственно-властных звеньев; существующая в государстве система разделения властей; декларирование принципов политического и идеологического многообразия. Плюсы данного режима очевидны. Политическая элита западного государства, формируя и формулируя текущую социальную повестку дня, предлагает народу альтернативные варианты развития событий, оформленные в программах различных движений и партий и легитимирует их, таким образом, с помощью выражаемого на выборах народного волеизъявления. Система разделения властей не дает возможности одной элитной группе установить полный и всеобъемлющий контроль над социально-политической жизнью государства и служит серьезной гарантией от узурпации власти.

В то же самое время идеализировать сегодняшнюю «западную демократию» едва ли правильно. Сегодняшние западные СМИ системно и методично используют в своих действиях политические технологии манипуляции общественным сознанием, нередко превращая тем самым абсолютную неправду

в абсолютную истину¹. Самостоятельность же самих западных СМИ также изрядно преувеличена. Мировая элита, являющаяся владельцем подавляющего большинства крупнейших информационных терминалов, задает своим контрагентам исключительно жесткие рамки в тоне и тональности освещения актуальных событий.

Отдельной чертой западной информационной субкультуры является система запретных тем. В США, к примеру, одной из них стало обсуждение степени достоверности официальной версии трагических событий 11 сентября 2001 года. Фильм известного итальянского тележурналиста и политика Джульетто Кьезы, представившего наглядные доказательства ее вымышленности, к показу в США был официально запрещен. Вскоре, после активного внимания кинозрителей Европы к указанному фильму, он был снят с показа и в европейских кинотеатрах.

Сегодняшний реальный Запад — общество глубоко меритократическое. Реальными социально значимыми процессами в нем управляет довольно небольшая группа людей. Национальные «комьюнити» глубоко и прочно интегрированы в мировую политическую элиту. В эту группу входят крупнейшие мировые финансовые игроки, спецслужбистские и военные лобби, владельцы многомиллионных терминалов массовой информации и иные слаботранспарентные структуры, являющиеся сегодня «хозяевами положения дел».

Ежедневная реальность свидетельствует о том, что среднестатистический западный человек весьма толерантен к самым различным элитным действиям, в том числе и отличающимся низкой степенью моральной основы. Постмодернистское разрушение культуры, ослабление семейных ценностей, обесмысливание множества исторических символов, еще вчера являвшихся святыми, — все это неуклонно входит в западную политическую практику. Все вышесказанное говорит о существенных

минусах сегодняшней западной демократии и неприемлемости ее безоговорочного копирования на территории России.

Народно-монархический политический режим предполагает наличие общей этики и базовых идеологических основ, разделяемых большинством членов общества. Как правило, в подобных политических системах существует ведущая партия или иная политическая структура, служащая «общенациональным собором» для преодоления разногласий в различных социальных слоях и выработки единой позиции по стратегически важным вопросам. Наиболее яркими представителями народно-монархического режима в современном мире являются КНР и Республика Куба.

Народно-монархические режимы могут довольно легко мобилизовать население на решение общественно значимых вопросов. Они вынуждены действовать на своей территории на основе принципов социальной справедливости, ибо только в этом случае верхи получают полноценную легитимацию представляемых ими народных низов.

Риски, связанные с существованием подобного режима, также довольно очевидны: возможная идеологическая стагнация, отрыв высших эшелонов власти от народных масс могут стать для подобных социальных организмов смертельно опасными, о чем убедительно свидетельствует позднесоветский исторический опыт. То, к чему западная демократия не сильно чувствительна, для народной монархии может оказаться фатальным фактором.

Либеральным политическим режимам (Колумбия, Филиппины и др.) свойственно следование формальным канонам «западной демократии». В то же время масштабное влияние местных олигархических групп, иностранных государств и транснациональных корпораций на внутригосударственный политический процесс во многом сводит к нулю какое-либо реальное влияние народных масс на выработку и при-

¹ Примеров подобной деятельности можно привести великое множество. В первой половине 2000-х годов вышла книга известного бельгийского журналиста Мишеля Колона «Нефть, пиар и война» (М.: Крымский мост, 2002) с разоблачениями деятельности западных СМИ в связи с кровавыми событиями в Югославии в 90-е годы. В августе 2008 года западные СМИ предпочитали вообще не замечать грузинской агрессии против Южной Осетии в первые 16 часов войны, однако после ввода российских войск в зону боевых действий эти же информационные каналы стали распространять информацию об «оккупации Россией Грузии» и «агрессивных действиях России». Поражала исключительная синхронность в действиях западных информационных агентов, их исключительная управляемость и координированность при трансляции ложных образов и положений.

нятие политических решений. Такой правящий режим легализуется скорее «легитимностью извне», нежели «легитимностью изнутри».

Тоталитарным режимам свойственно наличие в обществе всепроникающей и обязательной идеологии, сращивание партийного и государственного аппарата, культ вождя, масштабные политические репрессии против инакомыслящих. Наиболее ярко тоталитаризм проявился в фашистской Германии в 30–40-х годах. Подобная организация общества является следствием масштабного внутреннего кризиса, требующего исключительного сплочения масс с целью его преодоления. По этой причине властвующие круги тоталитарного государства получают массовую общественную поддержку. В то же время в мирный, немобилизационный период общественной жизни тоталитаризм способен приводить — и, как правило, приводит — к застою и серьезному упадку, что неизбежно порождает серьезный легитимационный кризис.

Иначе обстоит дело с режимом *военных диктатур*, через который прошли многие латиноамериканские страны. Особые его черты: верхушечность государственной власти, ее исключительная репрессивность и отсутствие у государственного аппарата каких-либо правовых ограничений. Легитимность указанного режима держится на двух факторах: на поддержке влиятельными силами извне и мобилизованности собственных силовых структур. Как правило, такие политические режимы ведут к глубокой общественной деградации и свержаются при исчерпании собственного ресурса.

Для *абсолютистского* политического режима (Саудовская Аравия, Оман, многие другие государства Арабского Востока) свойственна абсолютная власть главы государства. В то же время на политическую ситуацию этих государств значительное влияние оказывают многочисленные представители правящих династий, а также элитные в имущественном, региональном и конфессиональном отношении группы. Ожесточенная закулисная борьба политических группировок, состоящих из представителей вышеперечисленных социальных прослоек, — типичное явление абсолютистской политической жизни.

В странах Тропической и Южной Африки весьма распространен режим *партикулярной политической власти*. В условиях функционирования таких государств большую роль играют проживающие на их территории пле-

менные союзы с их традициями и обычаями. В таких государствах накладываются друг на друга государственно-правовое и традиционно-племенное начала. Последнее в весьма значительной степени ограничивает деятельность первого. Это происходит потому, что «нарезка» границ многих современных государств Африки проходила хаотично, по воле бывших метрополий и их колонизаторских администраций (точнее, независимость обретали бывшие колониальные провинции, территориальный состав которых определялся метрополиями). Многие части различных племен и племенных союзов оказывались по разные стороны границ, что часто мешало формированию единого народа из разноплановых этнических общностей одного государства, без чего невозможно полнокровное строительство единого государственно-правового пространства. Исходя из этого причудливая мозаика государственно-правового и традиционно-племенного начал является неизбежным атрибутом современной африканской социально-политической жизни.

Вышеуказанная классификация не является абсолютной и исчерпывающей. Как правило, практическая государственно-правовая жизнь сочетает в себе черты, свойственные различным политическим режимам. В то же время такой подход помогает глубже понять специфику конкретно взятой современной государственности.

Так, для современной России характерно довольно причудливое смешение элементов западнодемократического, либерального и народно-монархического начала в общественной и государственной жизни. От того, какие принципы политического развития будут в дальнейшем избраны в нашей стране в качестве основополагающих, какие из имеющихся черт политического режима станут доминировать, а какие уйдут в прошлое, во многом зависит дальнейший успех российского государственного строительства.

3. ХАРАКТЕР И СТЕПЕНЬ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ И ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И СТРУКТУР ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Необходимо оговориться, что понятие «гражданское общество» мы используем в предельно широком понимании этого слова, очерчивая им весь комплекс юридически негосударственных общественных структур и отношений. В таком

аспекте данное понятие использовалось не всегда. Теоретик просвещения Джон Локк определял гражданское общество как «республику свободных собственников», «цивилизованное общество», состояние «холодной гражданской войны богатых против бедных». В более поздние времена гражданское общество рассматривалось в смысле общества модернизированного, демократического, светского, с развитой структурой рыночной экономики. Полагалось, что только в таких странах можно говорить о феномене гражданского общества как таковом. Необходимость нашего сегодняшнего расширенного взгляда на указанный вопрос диктуется актуальностью изучения негосударственного сегмента общественной жизни и его непосредственного влияния на существующую государственность. Только так указанное знание поддается добыче.

Говоря о традициях отечественного *самоуправления* как важнейшего элемента структуры гражданского общества, следует отметить, что в России его понимание во все времена существенным образом отличалось от западного. На Западе оно рассматривалось в качестве определенного противовеса государственной власти. В России же роль государства во многом была обществообразующей. Государство цементировало общество и собирало его воедино. Исходя из этого, самоуправление в России не боролось с государством как со своим антиподом, а дополняло его, стремясь обеспечить лучшее и наиболее верное осуществление на местах государственно значимых функций.

При создании комплексной панорамы государственности следует также рассмотреть аспект взаимодействия государственной власти с элементами его социальной структуры: национальными общинами, представителями профессиональных объединений, религиозных конфессий, студенчества, иных групп и слоев населения. Исследование проблемы под данным углом зрения позволит найти оптимальное соотношение сил в различных сферах жизнедеятельности, позволяющих осуществлять его полноценное воспроизводство.

4. ОСОБЕННОСТИ СУВЕРЕНИТЕТА И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ГОСУДАРСТВА

Суверенитет — верховенство и независимость государственной власти — является не только необходимым признаком государства,

но и основополагающим элементом государственности. Сам вопрос о ее наличии может ставиться только тогда, когда в государстве есть постоянное и неуклонное воспроизводство суверенитета. Более того, степень суверенности государства может стать качественным показателем его силы и эффективности.

Впрочем, здесь необходимо сделать несколько существенных оговорок. Абсолютный суверенитет в реальной жизни подобен идеальному газу. Государственная власть при самореализации зависит от целого множества параметров: собственной структуры, природно-климатического фактора, действующих финансово-экономических, внешнеполитических сил и т.д. Политический суверенитет государства всегда ограничен, в то время как суверенитет в юридическом смысле и правовом закреплении может быть только абсолютен, ибо он выполняет роль матричного принципа любого государства. В этой коллизии прячется очень много тонкостей. Политический суверенитет, даже без существенного изменения своей юридической базы, может претерпевать до поры до времени весьма серьезные ограничения. Но всегда существует рамка ограничений, перейдя за которую государственность теряет свои важнейшие качества.

Не менее интересен вопрос и с принципом народного суверенитета, несущего в себе формулу о народе как единственном источнике государственной власти. Принцип народного суверенитета закреплён во множестве стран и служит надежным способом государственно-властной легитимации как идейно-материальной основы осуществления государственной власти. В то же самое время, как было показано выше, легитимация власти как опора на определенную совокупность материальных и духовных субстанций отнюдь не всегда имеет место в форме народного суверенитета. Абсолютистскому режиму свойственна, как правило, религиозная легитимация, для режима военных диктатур — легитимация силами извне и собственными силовыми структурами и т.д. Поэтому любое государство, взявшее народный суверенитет в качестве способа легитимации, должно в своих доктринальных основах наполнять этот принцип особым, конкретным содержанием, указывая при этом, есть ли в нем, помимо собственно народа, иные источники, придающие государственно-властной деятельности характер общепризнанности.

Следует особо отметить территориальную структуру государства и государственности как матричный принцип их воспроизводства. Каждый государственный регион представляет для государственного образования и государственно-организованного общества уникальную ценность и в социальном, и в экономическом, и в ментально-духовном, и в культурно-идеологическом измерении. В некоторых случаях потеря государством даже небольшого региона или его части может иметь фатальный характер.

Наряду с этим мы знаем примеры из истории, когда в кризисные для государства дни правящие группы шли на сознательные территориальные потери, чтобы присвоить государству иную цивилизационную идентичность. Яркий пример — кемалистская Турция. Впрочем, такие меры крайне редко увенчивались успехом и, как правило, приводили к неизбежному падению в мире роли «самоуменьшенного государства», если не к его полному распаду.

Эти уроки необходимо крайне внимательно усвоить российскому обществу, ибо в его отдельных группах национал-уменьшительные и регионально-сепаратистские настроения приобретают все большую активность. Но для сегодняшнего социально-политического положения России потеря даже малейшего кусочка ее земли способна обернуться величайшей катастрофой с дальнейшим ее неуправляемым самораспадом. Укреплять российскую государственность возможно только путем должного обустройства ее территориальной структуры и беспощадной борьбой с самыми разными видами и формами «уменьшительности».

5. ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ОРГАНИЗОВАННОГО ОБЩЕСТВА. СИСТЕМА ОБЩЕСТВЕННЫХ «ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МАТРИЦ»

Цивилизационный подход к изучению общества, в основу которого были положены труды Данилевского, Шпенглера, Тойнби, дал человечеству многое. В частности, в центре внимания исследователей оказались поведенческие матрицы огромных континентальных и субконтинентальных макросоциальных групп. В них входили программы общественного действия, отношения «человек — общество», «человек — природа», «человек — техника» и многое другое. Блистательный современный обществовед

С. Г. Кара-Мурза, творчески развивший многие положения цивилизационного подхода, ввел в науку термин «институциональные матрицы общества» как системы социотехнических и социокультурных основ, позволяющих обществу воспроизводить различные структурные элементы его жизненного уклада. Система институциональных матриц позволяет, при всей условности подобного классифицирования, отнести государственно-организованное общество к определенному цивилизационному типу: восточноевропейскому, западному, азиатско-тихоокеанскому, латиноамериканскому и т.д.

Помимо цивилизационной идентификации подобного рода, для понимания функционирования государства не менее важны параметры его общественной и элитной самоидентификации. Важно не только то, к какой цивилизации государство объективно относится, но и то, с какой цивилизацией оно себя субъективно идентифицирует.

Последнее исключительно актуально для современных российских реалий. В истории нередки примеры, когда российская элита, пренебрегая собственными самобытными цивилизационными кодами, мыслила себя частью Запада, производя при этом радикальные вестернизаторские преобразования. Результаты этого часто имели плачевный характер. Опыт вестернизации последних двух десятилетий также показал, что реализации изначально поставленных целей не произошло, что, в свою очередь, не может не наталкивать на неутешительные, но жизненно необходимые выводы.

6. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И КЛИМАТОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

От протекающих в стране экономических процессов зависит жизнь государства в целом, порядок осуществления им внутренних и внешних функций, формирование политической элиты и многие другие общество- и государствообразующие элементы. В каждом государстве множество особенностей не только социально-политического, но и экономического устройства. Одно дело сырьевая экономическая модель Саудовской Аравии, другое — молодой и стремительно развивающийся капитализм Малайзии, и третье — американская модель западного современного капитализма как порождения глобализации. Проведя сравнительный анализ их хозяйственной жизнедеятельности, мы увидим заложенные в них

коренные отличия, во многом определяющие особенности функционирования соответствующих обществ и государств.

Экономическую основу государства в сильнейшей степени детерминирует климатогеографический фактор. Он также определяет вектор развития государства и концептуальные начала его исторического пути. К примеру, российское государство несколько столетий вынуждено было вести кровопролитные войны за выход к черноморскому и балтийскому побережью с целью завладения торговыми коммуникациями и создания условий для эффективного функционирования военного флота. В более ранний период нашей истории отсутствие естественных преград для движения орд кочевников с востока и юга предопределяло чрезвычайную уязвимость наших границ, обуславливающую значительные государственные затраты на создание адекватного «пояса обороны».

Климатогеографический фактор существенно отразился на историческом развитии России в целом. Около половины ее территории находится в зоне вечной мерзлоты, а средняя годовая температура значительно ниже, чем в подавляющем большинстве европейских стран. Все это имело следствием низкую урожайность в России по сравнению с западными странами. Себестоимость промышленной продукции в России, как правило, тоже значительно превышает западноевропейскую. Географическое положение России предопределило отечественную специфику больших расстояний между населенными пунктами и малой плотности населения. Это особенно заметно в регионах Севера, Восточной Сибири и Дальнего Востока. Помимо вышеназванных существует еще одно обстоятельство, осложняющее развитие хозяйственной жизни государства, — отсутствие устойчивой структуры водных путей коммуникации, заставляющее российские хозяйственные субъекты обходиться сухопутными средствами транспортировки товара, что в конечном счете ведет к его существенному удорожанию. Страны, имеющие возможность использовать развитую систему морских и речных каналов, получают в этом плане серьезные преимущества, т.к. водные перевозки, по сравнению с сухопутными, показывают в абсолютных цифрах исключительную выгоду.

Приведенные выше климатогеографические параметры говорят о низкой прибавочной стоимости произведенного продукта, что, в свою очередь, в серьезной степени историче-

ски предопределило широкое вмешательство государства в экономическую сферу, его ярко выраженную протекционистскую политику на протяжении ряда веков.

7. СТРУКТУРА ВОСПРИЯТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ОРГАНИЗОВАННЫМ ОБЩЕСТВОМ НАРОДА, ГОСУДАРСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КАК ЦЕЛОСТНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ФЕНОМЕНОВ

От степени адекватности понимания указанного элемента государственности зависит успешность диалога и взаимопонимания общества и власти в целом, без которого невозможно надлежащим образом разрешить ни одного фундаментального вопроса.

Наиболее наглядно различия этого элемента государственности в культуре разных народов выступают при сравнении параметров западной и азиатско-тихоокеанской цивилизаций. Говоря очень упрощенно, для западного человека государство представлено преимущественно как рационально организованная машина, управляющая социальными процессами, а народ — в качестве совокупности индивидов, организованных во множество отвечающих их интересам социальных групп. Для человека Востока государство имеет скорее сакральный, священный характер, наподобие земного мира, устроенного в соответствии с определенным набором высших, небесных принципов.

Специфика России состоит в том, что в ее социальной структуре находится множество региональных ментальностей, обуславливающих различия в восприятии вышеперечисленных общественно значимых субстанций. К примеру, восприятие государственной власти населением Дагестана, Санкт-Петербурга и Чукотского автономного округа будет в существенной степени различаться. На такое «восприятие» оказывают значительное влияние климатические, экономические, культурные и иные факторы, определяющие специфику проживания региональных общностей.

8. СИСТЕМА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБЫЧАЕВ И ТРАДИЦИЙ

Указанный элемент обладает поразительной устойчивостью. Благодаря его существованию, многим народам удается сохранить основы своей государственности, даже вопреки крупно-

масштабным и разрушительным революционным катаклизмам. К примеру, парламентаризм Великобритании пропитан множеством традиций, имеющих корни в эпохе Средневековья. Таким образом, английская политическая элита подчеркивает важность исторической преемственности в британской государственной жизни, сохраняющейся, несмотря на смену целого ряда исторических эпох. Удивительными свойствами в этом плане отличается и современный Китай, где свойства разных эпох и их отражение в социально-политической жизни оказались гармонично соединены.

В советской России 30-х годов XX века произошло возрождение некоторых дореволюционных атрибутов государственности, отброшенных до этого бурной стихией революции (восстановление офицерских погонов в армии, изменения в культурной политике страны, постепенный пересмотр отношений между государством и церковью, создание ряда фундаментальных исторических кинокартин и многое другое). Это произошло вследствие понимания высшим политическим руководством необходимости воссоединения связи времен для дальнейшего прочного строительства государственных основ.

Похожий комплекс проблем стоит сейчас и перед современной Россией. Обеспечение ее подлинного и долгосрочного роста возможно только при условии восстановления исторической целостности, цельности «цепи времен». Дореволюционное, советское и постсоветское историческое пространство должно быть воссоединено, наполнившись при этом новым духовным и идейно-смысловым контентом. «Борьба эпох» и демонтаж исторических символов, ставшие мейнстримом в перестройку и бывшие таковыми все 90-е годы, должны быть немедленно остановлены.

9. ИДЕЙНО-СМЫСЛОВАЯ МАТРИЦА ОБЩЕСТВА И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Еще одна важнейшая составляющая государственности.

Идейно-смысловой контент лежит в основе любого государственно-организованного общества, определяя траекторию его движения и в неявном виде определяя все протекающие в нем социально значимые процессы.

Различие России и государств Запада в этом отношении уникально. Западная государствен-

ность после цепи произошедших там буржуазных революций XVII—XIX веков стала жить бытом нации. Это означало, что государственно-организованная общность должна иметь собственное территориальное пространство, экономический уклад, язык и систему «священных камней» — исторических символов и традиций, скрепляющих общество в единую духовную целостность. Иными словами, западноевропейская нация эпохи Модерна — это крепкий социальный глубинно секуляризированный организм, живущий «для себя» и стремящийся к всестороннему развитию во имя собственного благополучия и самопреумножения.

В отличие от стран Запада, Россия и в дореволюционном, и в советском измерении всегда жила бытом империи. Империя — это целостность, объединяющая в себя огромное количество разных по ментальности групп общими смыслами и символами и живущая во имя торжества высшей вселенской идеи. Такая идея в дореволюционные времена имела форму православия, в советские времена — форму коммунистического проекта.

Целостность европейской нации создавалась в «тигельных котлах» буржуазных революций, в которых чрезвычайно кровавыми способами выжигалась любая иная самоидентификация отдельно взятого человека (этническая, племенная, региональная и субрегиональная), вступавшая с ней в противоречие. Слова германского канцлера Отто фон Бисмарка о необходимости строить немецкую нацию «железом и кровью» не были простым риторическим приемом, они отражали реальную политическую практику того времени.

Россия же ни в дореволюционном, ни в советском измерении никогда не жила «бытом нации» и не создавала на своей территории «тигельных котлов». Вследствие этого Россия сегодня остается уникальным «миром миров», где бок о бок друг с другом проживает более 200 национальностей. Однако и русское ядро нашего Отечества также глубоко неоднородно. На сегодня русский народ является гиперэтностом, насчитывающим в своем составе более 80–90 субэтнических групп с характерными социокультурными особенностями, особенностями менталитета, быта и исторических корней.

Повседневная практика говорит о том, что попытка строительства на территории Российской Федерации нации по западноевропейскому образцу, предпринятая позднесоветской и продолженная постсоветской элитой, успе-

хом не увенчалась. В условиях общего идеологического вакуума, социополитического и социокультурного регресса народные низы все это время во многом продолжали ориентироваться на старые советские социокультурные коды, а также стремительно наполняли свою жизнь собственно региональной идентичностью. Последняя тенденция, при ее чрезвычайном усилении за последние 20 лет, стала таить в себе угрозу конечного замыкания жителей отдельно взятых субъектов Российской Федерации на самих себя, что неизбежно ведет к дальнейшему распаду общероссийской духовной целостности. Более того, на этой тенденции стали активно играть региональные сепаратисты, усиливая этот процесс и пытаясь подвести к этому некую историческую и политико-философскую основу.

Все это вместе взятое делает указанный комплекс проблем предельно актуальным. Провал проекта вестернизации России отчетливо показал, что обретение контуров западноевропейской нации не является для нее стратегически верным. Эта ситуация особенно обострилась тем, что и на самом Западе проект «Модерн» с предусматриваемым им нациестроительством в качестве обязательного условия жизнеустройства после триумфального четырехвекового господства стремительно уходит в прошлое. Постмодерн, приходящий на смену модерну, по сути, отрицает всяческую подлинность, а потому негативно относится к природе исторического смысла и исторического символа как такового. Торжество постмодерна на Западе неизбежно будет вести человека и человечество вспять по пути истории, ибо любой гуманизм и любой прогресс никогда не существовали без базовой духовно-символической основы, фундаментально отрицаемой системой постмодернистских координат. В связи с этим перед Россией как исторической субстанцией стоит в идейно-смысловом плане сложнейшая и нетривиальная задача — преодолеть заданные модерном ограничения и выйти на сверхмодернистский путь, ведущий к возвышению человека и человечества.

Проблематика идейно-смыслового контента неизбежно и теснейшим образом связана с проблемой функционирования государственного информационного пространства.

Информационное пространство служит для государственно-организованного общества своего рода оболочкой, через которую ежедневно и ежечасно проходит огромное количество по-

токов и волн, сознательно либо бессознательно иницируемых бесчисленным множеством субъектов самого разнообразного уровня. В связи с этим вопрос о защите государственно-организованным обществом своих исторических символов и смыслообразующих конструкций, ее способах и формах стоит предельно остро.

Каждое государство само должно определять необходимый и достаточный коэффициент воздействия на информационную сферу. Чрезмерная идеологическая опека собственного информпространства советскими правящими группами стала притчей во языцех и со служила всему советскому проекту недобрую службу. В то же время первое десятилетие постсоветской эпохи вошло в историю под знаменем абсолютной и неограниченной информационной открытости. Формулы «открытого общества», «информации без границ» не сходили с телеэкранов и журнально-газетных полос. Все это происходило на фоне стремительной «монетизации» всех сфер общественной жизни и торжества в российском социальном пространстве норм криминальной этики. Результаты всего этого были катастрофичны для российской культуры в целом и для общественных системообразующих конструкций в частности. Если в дальнейшем политика укрепления российской государственности станет последовательной и реальной, указанный урок недавнего прошлого освоить будет крайне необходимо.

Подытоживая вышесказанное, следует повториться, что проблематика государственности и ее структурных элементов исключительно сложна. Настоящее теоретическое изложение всех ее аспектов ни в коей мере не является завершенным. Российскому научно-интеллектуальному сообществу еще предстоит огромная работа по изучению каждого вышеназванного структурного элемента и его базовых основополагающих характеристик. Целью этой статьи является лишь построение системы изучения указанного комплекса вопросов, выработка соответствующего языка и указание на наиболее острые вопросы данного комплекса проблем исходя из текущей повестки дня. Синтез получаемого в дальнейшем знания позволит выйти на новый уровень познания и понимания российской государственности. Использование такого знания станет чрезвычайно полезным при решении огромного количества социально значимых фундаментальных и прикладных вопросов.

Главным индикатором качества для государственности является критерий ее *устойчивости*. По нему можно будет находить ответы на вопросы о надежности государственной матрицы и ее способности реагировать на исторические вызовы. Конечно, государственность не является чем-то раз и навсегда данным. Это динамический феномен, который не стоит на месте и, подобно живому организму, находится в постоянном развитии. Тем не менее главное для государственности — не потерять своего качества, а для государственной власти — четко осознавать порог его возможных и необходимых изменений.

Рассмотрев комплексно понятие российской государственности, перейдем непосредственно к тематике, обозначенной в заглавии работы. Иными словами, мы должны ответить на вопрос: как соотносится в Российской Федерации конституционно-правовое регулирование и описанный выше феномен государственности? В указанном аспекте следует выделить следующие аспекты:

1. Конституционное право всесторонне закрепляет систему основополагающих принципов и ценностей, необходимых для комплексного развития государственности. Конституционное регулирование служит для государственности компасом, в соответствии с которым она осуществляет собственное развитие и движение вперед.

2. Конституционное право устанавливает систему правил игры, в соответствии с которой внутри поля государственности выстраивается система общественных отношений. Иными словами, существование лю-

бой государственности обусловлено наличием внутри нее группы правил, по которым будут строить свои коммуникации различные сегменты социальной жизни.

3. Конституционное право обеспечивает институционализацию государственно-властного механизма, создавая тем самым предпосылки для успешного функционирования государственности как таковой. Система органов государственной власти изо дня в день транслирует в общество в явном или неявном виде все без исключения элементы матрицы государства, будучи, таким образом, своеобразной скелетно-мышечной конструкцией вышеуказанного организма.

4. Конституционное право юридически оформляет многие институциональные матрицы общества, вводя в них формально определенный компонент. К примеру, механизмы юридической защиты информации составляют неотъемлемую часть российского информационного пространства, конституционные принципы экономической деятельности невозможно представить в изоляции от экономической основы государственности и т.д.

Затронутая нами проблематика имеет высокую важность, т.к. при ее дальнейшем изучении будут последовательно решаться две масштабные взаимосвязанные задачи — нахождение оптимальных конституционно-правовых средств, способных служить адекватному укреплению российской государственности, а также новых ориентиров и целей, помогающих выйти конституционно-правовой науке и практике на новую ступень развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кутафин О. Е., Козлова Е. И. Конституционное право России. — М., 2011. — 585 с.
2. Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. — М., 2001. — 448 с.
3. Морозова Л. А. Теория государства и права. — М., 2010. — 384 с.
4. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация: от начала до наших дней. — М., 2008.
5. Коллон М. Нефть, PR и война. — М., 2002. — 486 с.
6. Кургиян С. Е. Актуальный архив. — М., 2010. — 707 с.

Материал поступил в редакцию 30 сентября 2015 г.

THE RUSSIAN STATEHOOD AND CONSTITUTIONAL LEGAL REGULATION: INTERRELATION OF CONCEPTS

SERGEEV Aleksandr Leonidovich — PhD in Law Associate Professor at the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
[alsergeev1980@mail.ru]
123995, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Street, 9

Review. *The article is devoted to the scarcely explored issues of correlation between socio-political and socio-cultural phenomenon of Russian statehood and current constitutional industrial regulation of vital activities of the state-organized society. The article analyses the structure of the statehood and its elements, as well as main directions which Constitutional Law may use to influence the process of development of domestic statehood. The author emphasizes the particular need for an in-depth study of this complex of problems. The solution to the mentioned task will allow us to find optimal constitutional legal means and methods which may help adequate strengthening of the Russian statehood, as well as guidelines and goals capable to move constitutional-right science and practice to a qualitatively new level of development.*

The article presents an interdisciplinary analysis of the structural elements of the statehood, adapted to the modern domestic realities: organization and peculiarities of functioning of the state authorities system; a political regime of the state; the nature and the degree of relationship and inter-penetration of state power and structures of the civil society; the peculiarities of sovereignty and territorial structure of the state; a civilizational identification and self-identification of the state-organized society, a system of public «institutional matrices»; economical, climate and geographical basis of daily living activities, the structure of perception of a people, state and state power as integral social phenomena by the state-organized society; a system of socio-political customs and traditions; an ideological meaningful matrix of the society and the peculiarities of its information space.

Keywords: *Russian statehood, constitutional legal regulation, political regime, system of institutional matrices, sovereignty, territorial structure of the state, a form of government.*

BIBLIOGRAPHY

1. Kutafin O. E. Kozlova E. I. Constitutional Law of Russia. Moscow, 2011. — 585 p.
2. Kutafin O. E. A matter of constitutional law. Moscow, 2001. 448 p.
3. Morozova L. A. Theory of State and Law. M., 2010, 384 p.
4. Kara-Murza S. G. Soviet Civilization: from the beginning up to our days. M., 2008.
5. Collon Michel. Oil, PR and War. M., 2002. 486 p.
6. Kurginian S. E. Latest Archive. M., 2010. 707 p.